

Появление Шан Цюэ и его группы вызвало небольшое волнение в зале выдачи разрешений.

Большинство присутствующих призраков никогда не видели легендарного босса управляющей компании «Лофэн». После того как Король Призраков намеренно подавил свою ауру, он стал выглядеть всего лишь как весьма привлекательный обычный призрак.

Но все узнали вереницу духов, которых привели с собой. Разве это не те самые, кто утром отказался перерождаться и сбежал всей толпой? Никто не ожидал, что их так быстро поймают и притащат обратно.

— Вон туда. Сесть на корточки, руки за голову. Всем сидеть как положено! — Чжэнь И указал на место у стены и свирепо рывкнул на группу призраков, плетущихся за Юй Чжэнду.

Все беглецы выглядели потрепанными и удрученными. Они покорно поплелись к стене и выстроились на корточках в ряд, являя собой довольно жалкое зрелище.

Юй Чжэнду краем уха слышал, как другие призраки в зале перерождения обсуждают их:

— Черт, хорошо, что я утром не поддался всеобщему порыву и не сбежал с ними, а то бы сейчас тоже там на корточках сидел.

— Да ладно тебе, мы тут все разумные призраки, хорош притворяться. Ты не сбежал только потому, что получил хорошую сделку на перерождение...

— Хе-хе, раскусил ты меня. В этой жизни я полжизни выплачивал ипотеку. В следующей мне наконец-то суждено родиться в семье с домом, который перейдет мне по наследству. Это было ох как нелегко.

— Эх, не то что я. В лучшем случае моя будущая семья сможет помочь мне только с первоначальным взносом...

— Вы двое, может, хватит хвастаться, а? Мне в следующей жизни опять кирпичи таскать, чтоб его!

...

Юй Чжэнду слушал это в полном недоумении. Тем временем Чжэнь И уже принес два табурета и сказал ему и Шан Цюэ:

— Пожалуйста, присаживайтесь.

Юй Чжэнду только собрался плюхнуться на сиденье, как Шан Цюэ внезапно резко дернул его за руку.

Юй Чжэнду непонимающе посмотрел на него: «?»

Шан Цюэ опустил взгляд, подавая знак посмотреть на стул.

Юй Чжэнду увидел, что его задница прошла прямо сквозь табурет и зависла в воздухе.

По сердцу пробежал холодок:

— ...Что это за табурет такой?

Увидев это, Чжэнь И хлопнул себя по лбу:

— Ах, посмотрите на меня. Вы, должно быть, тот самый живой коллега из главного офиса. Эти табуреты — часть стандартных бумажных подношений, которые главный офис купил и сжег для нас. Живые люди не могут на них сидеть.

Юй Чжэнду пугался уже не в первый раз, поэтому он спокойно выпрямился и отряхнул руку:

— Ничего страшного. Я могу и постоять.

Шан Цюэ улыбнулся, поднял руку и коснулся его лба:

— Теперь можешь.

Юй Чжэнду почувствовал прохладу на лбу. Ничего не понимая, он взглянул на Шан Цюэ, который посмотрел на табурет и сказал:

— Попробуй сесть еще раз.

Полуверю-полусомневаюсь, Юй Чжэнду протянул руку, чтобы потрогать стул, и обнаружил, что действительно чувствует твердый предмет. Он не смог сдержать восхищенного «Ого» и произнес:

— Наконец-то я могу почувствовать, каково это — быть призраком.

Чжэнь И: == И что тут чувствовать?

Шан Цюэ улыбнулся:

— Корпоративные льготы.

Они сели, и Чжэнь И начал допрос призраков. Первым он выкрикнул имя того, кто возглавил побег:

— Хун Гэнтоу, выйти вперед!

Поднялся немного полноватый мужчина средних лет. Юй Чжэнду взглянул на него и немного удивился. У мужчины было квадратное лицо, большие уши, честная внешность и робкий взгляд. Из тех, кого в толпе не заметишь с первого взгляда. Ничто в нем не выдавало беглого преступника.

С суровым лицом Чжэнь И спросил:

— Почему ты сбежал?

Хун Гэнтоу втянул голову в плечи и заикаясь пробормотал:

— Я-я не хочу перерождаться...

Чжэнь И спросил:

— Почему нет?

Взгляд Хун Гэнтоу заметался, в голосе слышалось недовольство:

— Я уже был скотом три-три жизни подряд. Ни-ни разу у меня не было хорошего конца. В первый-первый раз я был свиньей. Мясник вживую разрезал мне живот. Когда он поливал меня кипятком, чтобы ошпарить щетину, я-я все еще был в сознании...

Слушая это, Юй Чжэнду невольно представил эту сцену, и все его тело передернуло.

Хун Гэнтоу продолжил:

— Потом-потом я стал дворнягой. Мало того что каждый день питался объедками... Я наконец-наконец немного порос, и тут похитители собак выстрелили в меня отравленной иглой. Но эта игла не убила меня сразу. Я продержался целые сутки, прежде чем они вскрыли мне живот и пустили на хот-пот...

На этот раз Юй Чжэнду заметил, что другие призраки, сидящие на корточках у стены, тоже задрожали.

Трагическая история Хун Гэнтоу продолжалась:

— В третий раз я был крысой-крысой. Я жрал мусор в канализации, не видя белого света. Через два года всего лишь из-за одного арахиса я прилип к клеевой ловушке, а потом кто-то полил меня ки-кипятком и заживо ошпарил до смерти...

Хун Гэнтоу выглядел честным, говорил, втянув голову в плечи, а к концу даже начал шмыгать носом и всхлипывать:

— Я получил СМС-уведомление. В следующей жизни я опять скотина. На этот раз — желтый бык. Я видел в новостях, что некоторые люди накачивают живой скот во-водой. Мне страшно. Я не решаюсь переродиться...

То, как он дрожал и плакал, действительно выглядело жалко, достаточно, чтобы вызвать сочувствие у окружающих. Даже Юй Чжэнду не сдержался и тихо вздохнул:

— Это слишком ужасно.

Рядом с ним Шан Цюэ сидел, закинув ногу на ногу, склонив голову и слегка подпирая щеку рукой. На его лице невозможно было прочесть никаких эмоций. Когда Хун Гэнтоу закончил говорить, он ровно произнес:

— Когда ты убивал людей, ты дважды не думал.

Чжэнь И хлопнул по подлокотнику своего кресла:

— Вот именно. Это все твое заслуженное возмездие.

Юй Чжэнду с любопытством взглянул на Шан Цюэ. Шан Цюэ небрежно достал телефон, открыл страницу и протянул ему.

Юй Чжэнду взял и посмотрел. Оказалось, это была запись Хун Гэнтоу из Книги Жизни и Смерти. Пока он не прочитал ее, все было нормально. Но потом он остолбенел на месте.

Оказалось, что за несколько жизней до того, как переродиться скотом, Хун Гэнтоу был серийным убийцей. При жизни он отнял в общей сложности пять жизней — мужчин, женщин, стариков и детей, причем действовал с особой жестокостью.

Записи в Книге Жизни и Смерти были весьма лаконичными: там перечислялись только имена жертв Хун Гэнтоу. Но чем больше Юй Чжэнду смотрел, тем более знакомым казалось это имя. Его сердце екнуло. Он достал свой телефон и ввел три иероглифа «Хун Гэнтоу» в поисковик. Страница обновилась, и разом появилось более десятка страниц со ссылками по теме.

Каждая ссылка вела на заголовки крупных отечественных СМИ с описаниями настолько сенсационными, что становилось жутко:

[Пойман серийный демон-убийца из города Миннань Хун Гэнтоу...]

[Пять жертв за семь лет, самому старшему — семьдесят шесть, самому младшему — всего семь: жизнь маньяка-убийцы Хун Гэнтоу...]

[Тень, висевшая над городом Миннань семь лет, наконец рассеялась: серийный убийца Хун Гэнтоу приговорен к смертной казни на первом заседании суда...]

...

Юй Чжэнду наконец понял, почему имя Хун Гэнтоу показалось ему немного знакомым.

Более десяти лет назад этот человек совершил серию преступлений в городе Миннань. За семь лет он убил пять человек, действуя с особой жестокостью. Поскольку он обладал сильными навыками противодействия следствию и выглядел таким честным, его не могли поймать много лет, ввергнув весь Миннань и близлежащие города в состояние страха и паники. Лишь позже, когда методы криминалистики усовершенствовались, его наконец поймали во время последнего преступления.

А в том последнем преступлении жертвой стал ребенок всего семи лет от роду. Как только новость просочилась в СМИ, это вызвало колоссальный общественный резонанс. Хотя Хун Гэнтоу в итоге приговорили к смертной казни, он стал вечной раной в сердцах жителей Миннани, настолько глубокой, что еще много лет спустя люди постоянно вспоминали это дело.

Когда Хун Гэнтоу совершал эти преступления, Юй Чжэнду был еще совсем маленьким, поэтому, естественно, почти ничего о них не помнил. Имя показалось знакомым потому, что позже, с развитием интернета, пользователи сети время от времени составляли подборки громких уголовных дел, и этот случай неизменно в них попадал. Каждый раз, когда о нем упоминали, многие интернет-пользователи из Миннани все еще кипели от ярости, считая, что смертная казнь была для Хун Гэнтоу слишком мягким наказанием.

Юй Чжэнду перечитал описание методов, которыми Хун Гэнтоу действовал при жизни, и почувствовал тот же гнев, что и пользователи сети. Одной лишь смертной казни действительно было слишком мало для такого злобного убийцы.

А тем временем призрак Хун Гэнтоу все еще оправдывался:

— Я уже понял, что был неправ. Пожалуйста, умоляю, дайте мне один шанс снова стать человеком...

Чжэнь И остался непреклонен к его мольбам и беспристрастным тоном заявил:

— У нас тут загробный мир, управляемый по закону. Книга Жизни и Смерти уже рассчитала, как должен переродиться каждый призрак. Это не то, что мы можем изменить парой слов.

Хун Гэнтоу закрыл лицо руками, дрожа всем телом:

— Я правда понял, что был неправ. Пожалуйста, простите меня...

Его жалкий спектакль привлек навязчивое сочувствие окружающих призраков. В основном это были старые духи, умершие естественной смертью от старости. В силу возраста они были мягкосердечными. Увидев это, некоторые из них начали тихонько заступаться за него:

— Он действительно довольно жалкий. Он уже столько жизней был скотом, и каждая из них заканчивалась ужасной смертью. Может, смягчить ему приговор в этой жизни...

— Вот именно. Его травили, резали и заживо шпарили кипятком. Он уже достаточно настрадался...

— Я думаю, быть скотом — это нормально, но, может, не заставлять его умирать так мучительно?

...

Голоса вокруг немного успокоили Хун Гэнтоу. Он вытер уголки глаз рукой, прикрывавшей лицо, и принял вид глубоко обиженного и несправедливо осужденного человека.

Увидев это, Чжэнь И махнул рукой на остальных:

— Чего вы все лезете не в свое дело? Давайте, пошевеливайтесь, идите перерождаться.

Когда эти старые призраки были живы, люди уступали им места, стоило им куда-нибудь выйти. Кто бы мог подумать, что после смерти они потеряют все эти привилегии? Услышав это, они почувствовали себя немного ущемленными. Они не решались вступать в открытый конфликт с сотрудниками загробного мира, но не могли удержаться, чтобы не отвернуться и не пробормотать несколько жалоб себе под нос.

Хотя Чжэнь И игнорировал их, пересуды за спиной немного его раздражали. Он только собрался продолжить ругань, как Юй Чжэнду внезапно заговорил холодным голосом:

— Вы не жертвы. Какое право вы имеете прощать этого чудовища от их имени?

Старые призраки, которые до этого заступались, разом повернулись. Они увидели молодого человека с тонкой, интеллигентной внешностью, который встал и бесстрастно посмотрел на них:

— Люди, которых он убил, никогда не получили второго шанса. Так почему же он должен получить смягчение наказания только потому, что говорит, будто понял свою неправоту?

Эти старые призраки полагались на свой возраст, чтобы продолжать болтать, но после того как Юй Чжэнду задал им этот вопрос, они все замолчали. Тем не менее некоторые отказались сдаваться. Видя, что Юй Чжэнду молод, один из них тут же воспользовался своим положением старшего и принялся отчитывать его:

— Что это за тон для молодого человека? Разве ты даже не понимаешь, что нужно проявлять милосердие там, где это возможно?

Юй Чжэнду закатил глаза и только открыл рот, чтобы ответить, как встал Шан Цюэ. Окинув взглядом комнату, он обвел всех глазами и спокойно произнес:

— В загробном мире нет такого понятия, как милосердие там, где это возможно.

В тот самый момент, когда он заговорил, все окружающие почувствовали исходящее от него слабое давление. В одно мгновение ни один призрак не посмел произнести ни слова. Весь зал погрузился в тишину.

— Ошибки, совершенные при жизни, будут полностью оплачены после смерти. Признавать вину — бесполезно. Раскаиваться — бесполезно. Добро и зло, заслуги и грехи определяются при жизни. В загробном мире нет снисхождения. — Глаза Шан Цюэ были темными и глубокими, не отражающими ровным счетом ничего, пока он смотрел на всех сверху вниз. — Это и есть кармическое возмездие.

Вокруг воцарилась абсолютная тишина. Не было слышно даже малейшего дуновения ветра. Слова Шан Цюэ заставили сжаться сердце каждого призрака, и непреклонная суровость загробного мира наполнила их беспрецедентным чувством давления.

— Хлоп-хлоп-хлоп-хлоп... — Внезапные аплодисменты нарушили удушающую тишину. Юй Чжэнду энергично поддержал своего начальника: — Босс прав!

Остальные призраки очнулись от оцепенения и поспешно последовали его примеру:

— Правильно, правильно!

Поняв, что прикидываться жертвой бесполезно, Хун Гэнтоу внезапно расправил плечи, которые до этого держал ссутуленными, и выпрямился. На его честном лице появилось злобное выражение, и даже глаза стали куда более зловещими. Сжав зубы, он сказал:

— Да, я убивал людей. Но я уже столько жизней был скотом, и каждый раз умирал мучительной смертью. Даже если я отдаю долги, я уже должен был сполна за все расплатиться!

Его внезапно перекошенное лицо шокировало всех присутствующих призраков. Юй Чжэнду протяжно цыкнул: «Тс-с-с...» — и усмехнулся:

— Я так и знал. Социопат никогда по-настоящему не признает, что был неправ.

Старые призраки, которые ранее заступались за Хун Гэнтоу, залились краской стыда и отвернулись, не решаясь встретиться взглядом с Юй Чжэнду.

Хун Гэнтоу особенно возненавидел этого человека, который с самого начала портил ему весь спектакль. Видя, что мольбы бесполезны, он решил биться насмерть. С яростным ревом он внезапно подскочил и бросился прямо на Юй Чжэнду, выкрикивая с перекошенным лицом:

— Раз уж мне все равно быть скотом, убийство еще одного ничего не изменит!

Его серо-белое лицо внезапно разорвалось прямо в воздухе, и на нем мгновенно выросли бесчисленные длинные волосы. Пасть раскрылась невообразимо широко, обнажив ряд острых клыков.

Чжэнь И немедленно закричал:

— Блядь, он превратился в злого духа!

Юй Чжэнду так перепугался, что схватил Шан Цюэ за плечо и нырнул за его спину,

одновременно визжа:

— Твою же мать, этот призрак слишком уродливый!

Отвратительный вид Хун Гэнтоу напугал окружающих призраков так, что они бросились врассыпную, вопя во все горло:

— А-а-а-а, злой дух! Это злой дух!

— Помогите! Злые духи — это то, чего я боюсь больше всего!

— Моя очередь переродиться уже подошла? Быстрее, отправьте меня отсюда!

— Он волосатый! Он реально волосатый! Я мертв уже тридцать лет, и все равно впервые вижу волосатого...

— О боже мой, дайте мне умереть еще раз...

...

Юй Чжэнду: ==

Нет, ну серьезно, он-то был человеком, ладно, его испуг был понятен. Но неужели у этих призраков не могло быть хоть немного призрачного достоинства?

<http://bllate.org/book/18126/1741859>